

Татьяна Овсянникова

Слеза Розамунды

Татьяна Овсянникова

Слеза Розамунды

«Автор»

2026

Овсянникова Т. В.

Слеза Розамунды / Т. В. Овсянникова — «Автор», 2026

Для представления на экспозиции в музей города N привозят облицовку щита – кованую пластину, с которой связана печальная легенда. Вместе с легендой из музея в музей с пластиной путешествует и её слава: облицовка щита, поверхность которой украшена причудливым орнаментом, способна влиять на жизнь так или иначе соприкоснувшихся с ней людей. Возможность подтвердить или же опровергнуть это вскоре появляется у действующих героев

© Овсянникова Т. В., 2026

© Автор, 2026

Татьяна Овсянникова

Слеза Розамунды

Слеза Розамунды.

Всё плачет Розамунда,
Катится слеза...
«О чём печаль твоя?
Не отвечай, я знаю:
Просишь об отмщеньи.
На ком вина, тех ожидает
Яростью моей прещенье:
Рука не дрогнет, кровь взывает,
Сталь клинка крепка!»

О, коль бы яростный огонь в груди угас,
И пелена, что мысленный взор застилает, спала,
Расслышать смог слова -
Душа её взывала лишь к милосердию:
«Оставь другу жизнь, чтобы твою Бог спас!»

Примечание: здесь и далее, если не указано иное, стихи автора.

Глава 1 Глава, после прочтения которой читатель с живым воображением может предположить, что когда-то именно так всё и начиналось.

Я Розамундой называл

Ту что цвела голландской розой

Запоминал как он был ал

Цвет губ её и шёл за грёзой

И Розу Мира я искал

Гийом Аполлинер. «Розамунда»

Фирза сидел, подставив лицо весеннему солнцу. Глаза его были закрыты: ещё несколько мгновений назад он снова отважился мериться с ним силой, стараясь не отводить взгляда от пылающего в небе диска как можно дольше, и теперь под веками плясали радужные пятна. «Как яростен ты, о бог Солнца! Никто не может выдержать твоего огня!» - признал он в который уже раз. Это глубокомысленное занятие было грубо прервано: чей-то пинок вернул Фирзу на землю.

-Бездельничаешь? Ну, изволил, наконец, проснуться, или мне повторить? Милорд прислал осведомиться, закончена ли работа? – начальник стражи герцога Трево смотрел на Фирзу, не скрывая презрения.

- Мастер Рогард трудится, не покладая рук! Поверьте, дело за малым!

-Глупец! Глупец и лодырь! Не будет с тебя толку! И зачем я трачу на тебя время? За малым, говоришь? – в дверях кузницы, которую в народе называли «Горнилом ада», появился сам хозяин. - Где то, что оживит выкованное мною оружие? Тебя спрашиваю?

- Доставят сегодня вечером, Мастер, уж вы не сомневайтесь!

- Я бы пустил на дело тебя, да какой с твоей жалкой душонки толк! Не позже, чем завтра, спешу вас заверить, - обратился Рогард к пришедшим стражникам, сменив тон на подчеркнuto почтительный.

-Поторопись! – и они покинули его двор.

... С раннего утра двое незнакомцев без устали обходили улицу за улицей, и ни одной живой душе не пришло в голову, что замышляют они недоброе.

-Сударыня, не встречался вам на днях юноша благородной наружности на вороном скакуне? Ах, нет...Какая жалость! Мой единственный племянник отправился поступать на службу к здешнему правителю, и с тех пор от него нет ни слуху ни духу. Сестра моя, а его, стало быть, матушка, совсем лишилась покоя, и теперь на очереди её и без того некрепкий разум! – с такими расспросами обращались эти двое к встречающимся на пути селянкам.

Наступил полдень, последняя неделя мая выдалась необычайно жаркой, и жители поспешили укрыться от зноя за каменными стенами своих домов, ещё хранящих хоть какую-то прохладу. Улицы опустели. Спутники остановились в тени деревьев, вознёсших свои кроны над крышей небольшого дома на окраине, и растревожили этим стадо гусей, пасшихся неподалёку: птицы подняли крик, вздымая крылья и вытягивая с шипением шеи, а вожак их, приблизившись, всем своим видом показывал, что не собирается оставлять их в покое.

- Не миновать нам разговора с Фирзой, - с неожиданным отчаянием признал тот, кто был из этих двоих старше.

-Отчего ты так боишься этого недоумка?

-Ты никогда не задавался вопросом, почему Мастер так терпеливо сносит его присутствие? Вот какая, казалось бы, от Фирзы польза? Только и знает, что сидеть во дворе с закрытыми глазами, напоминая ящерицу, греющуюся на солнце...

-Так и я о том...

-А почему Фирзу прозвали «шестипалым», знаешь?

-Такого, признаюсь, не слышал!

-Так послушай! Фирза сам о себе, бывает, говорит: я, мол, урод, потому как у меня шесть пальцев, и если он решил сообщить об этом именно тебе, то всё – прощайся с жизнью!

-О чём это ты говоришь?

-Фирза лишь на вид простоватый да бестолковый. Кто знает, где и при каких обстоятельствах пути Мастера и Фирзы пересеклись, но только после этого Рогард решил сделать его своей «правой рукой». Я слышал, что Фирза чуть ли не адепт каких-то тайных знаний, хотя, как по мне, он и сам мог такие выдумать: шутка ли, столько паяться на солнце – кому угодно темечко напечёт. Время от времени, по какому-то одному ему ведомому календарю, наступает для нашего адепта «священная неделя»: все семь дней он покорно сносит поношения и злые шутки на свой счёт. Обидчик входит в раж, не подозревая, что смотрит на него не жалкий болван, со смирением проглатывающий обиды, а гремучая змея. Надо сказать, что Фирза прикладывает немало усилий, чтобы не разубедить его в этом: то растянется на глазах у последнего, то несёт бред с важным видом, то вываливается в помоях и пытается потом, выказывая при этом почтение, дотронуться до его одежды, и из всего этого легко можно заключить, что сам он и выбирает того, кто будет над ним потешаться. Он, Фирза, охотник, а вовсе не дичь. «Священная неделя» заканчивается, и на смену ей приходит «время возмездия», когда «вознёсшие непомерно главу свою будут низринуты». Звучит, конечно, словно тебя каким-то ветром занесло на воскресную службу, но на деле - обычное убийство. Фирза, всё с тем же жалким видом, затягивает свое «я урод, и пальцев у меня шесть», затем нажимает на особое место в браслете, обхватывающем его запястье и скрытым, обычно, под грязным рукавом. В мгновение ока выдвигается смертоносное « жало » - тот самый шестой палец, который хозяин браслета молниеносно вонзает в шею насмешника. Оп-ля, встречайте мертвеца! Люди, обычно, не обращают на Фирзу внимания и распускают при нём свои языки, не опасаясь быть услышан-

ными, а он толкается среди них, присматриваясь и прислушиваясь. К тому же, на него работает много соглядатаев - везде у него свои глаза и уши!

Рассказ этот произвёл на слушателя сильное впечатление:

-А что же правосудие? Как ему удаётся избежать наказания за смерть несчастных?

-Душам их остается надеяться лишь на Божью справедливость, потому как здесь, в нашей юдоли страданий, у них неизменно обнаруживается какая-нибудь заразная болезнь, несущая смерть, и тела их поспешно сжигают во избежание мора. Огонь в кузнице пылает так ярко и так яростно, что Закону волей-неволей приходится прикрывать свои глаза при взгляде на него!

-Так чего же мы медлим? Найдём скорее подходящую девицу! Как насчёт той, что приехала с братьями на ярмарку, рыжей Грайне? Какой-то малый в трактире, видать подслеповатый, возьми да и положи свою ладонь не на стол, а на её зад, так в следующее мгновение от её удара у него чуть голова не оторвалась, при этом братья её и глазом в их сторону не повели – поднялись со своих мест кулаки почесать лишь когда началась всеобщая потасовка. По всему видно: были уверены, что она и сама за себя постоять сможет!

Фидо, старший из незнакомцев, утёр выступивший на лбу пот:

-Припекает сегодня! Передохнём немного в тени: мы обошли почти все дворы, осталось всего ничего...

Послышался звук открываемого окна, за ним последовал плеск воды - хозяева опорожнили посуду. Загремели кастрюли, зашипел жир на сковородке. Вскоре до укрывшихся в тени, вместе с запахом готовящейся еды, донеслось пение юной стряпухи:

-Кружится босая плясунья

Под взглядами звёзд-завистниц:

Коснулся меня любимый,

И сразу от счастья – искры!

Сжигать будут завтра ведьму-

Пусть ей не покажется мало!

Но этой ночью укроет

Нас лунной парчи покрывало.

Поёт здесь ночная птица:

«Король, без любви ты -нищий!»

Услышавший раз ту песню,

Всю жизнь эту птицу ищет.

Сегодня- пусть будем ранимы,

Поднимем сегодня забрала!

Не бойся, что сердце открыто,

Ведь завтра ещё не настало!

Дедри, молодой спутник Фидо, потянул носом:

-Неплохо бы и пообедать уже! Проклятая птица - никак не отстанет! Свернуть бы ему шею, да насадить на вертел...

-Ты, видно, кроме как на рождественском столе, гусей больше нигде и не встречал! Они - сторожа не хуже собак: чуть завидят чужака, сразу поднимают переполох.

-Рози! Слышишь, гуси беспокоятся? - раздался голос старухи. - Поди-ка ты глянь!

-Рози? Она назвала её «Рози»? Тогда мы пришли туда, куда надо! Не иначе, это дом возлюбленной Оларда, этого везучего заносчивого наёмника, чья мамаша согрешила с великаном! Слишком везучего и слишком заносчивого...

-Ты спятил? Он выпустит нам кишки, если хоть волосок упадёт с её головы!

-Да перестань ты трястись от страха! Он и не узнает, если только ты не признаешься ему в этом сам! Где ты собрался искать ту рыжую чертовку? Да и потом: рядом с ней всегда торчит кто-нибудь из её братьев. С первого взгляда понятно, что они - головорезы, а значит, придётся обнажить клинки, прежде чем забрать их сестрицу, и кто знает, чем всё тогда может для нас обернуться! Послушай, удача сама плывёт к нам в руки! Давай же, не оплошай! Я буду дожидаться вас за сараем...

На пороге показалась миловидная светловолосая девушка: выющиеся волосы перехвачены были лентой.

-Кто посмел нарушить покой Его Гусиного Величества? - со смехом спросила она, направляясь к встревоженным птицам. - Гиди, грозный гусиный правитель, твои крики мешают полуденному сну всей округи!

От дерева отделился незнакомец в дорожном платье.

-Простите, сударыня! Я ищу Розамунду...

-Вы её только что отыскиали. Что Вам угодно?

-Вы знаете кого-нибудь по имени Олард? Не отвечайте - от меня не укрылось, как вы встрепнулись, услышав его! Я обязан этому человеку многим, поэтому и согласился выполнить его просьбу: передать вам, сударыня, вот это, - он протянул туго набитый кошелёк.

- Передать... Но где же он сам? Когда я его увижу?

-Возможно, не скоро... Возьмите же! Я выполню его поручение и немедленно отправлюсь дальше...

Полученное известие девушку заметно огорчило. Услышав имя возлюбленного, она позабыла об осторожности: имя Оларда подействовало на неё, подобно заклинанию. Едва Роза приблизилась, Дедри приставил нож к её горлу:

-Веди себя смирно, а не то я перережу глотку тебе и про старуху не забуду! Разве можно двум беззащитным женщинам жить на самой что ни на есть окраине? Ступай к сараю, что за домом. Живее!

В сарае он толкнул её к стене. Упав навзничь на старую солому, Роза сначала не шевелилась, потом медленно села и развернулась к нему лицом: теперь в руке у неё был серп. Не произнося ни слова, она приставила его к своему горлу. Как ни странно, но это подействовало:

-Постой! Ты же всё испортишь! - теперь Дедри был близок к отчаянию. Дверь сарая распахнулась, и в проёме возник человек:

-Ах ты, проклятый висельник! - с этими словами он бросился на Дедри и ударом кулака уложил того на пол. - Не бойтесь, сударыня! Давайте, я помогу Вам подняться, а после провожу, куда только скажете. Будьте уверены: этого мерзавца перед карой небесной ждет кара земная - я отдам его в руки стражников. Вижу, Вы мне не доверяете... Через несколько дней здесь начнётся ежегодная ярмарка, и в ожидании этого сюда съезжается самая разношёрстная публика, а если точнее - всякий сброд: воры, мошенники, карточные шулеры. Я ни к одним из них не принадлежу, можете мне поверить, я просто несчастный отец, разыскивающий свою дочь, сбежавшую с бродячими артистами. Отец, не знающий покоя и исходивший немало дорог в надежде, что встречу её: сердце моё разрывается при мысли, что какой-нибудь актёришка обрюхатил мою малышку и бросил с довеском где-нибудь на дороге...

Он протягивал дрожащей девушке руку, Розамунда же всё ещё не решалась выпустить из рук своего оружия, но напавший на неё не подавал признаков жизни, а неожиданно явившийся на помощь незнакомец был уже немолод и смотрел с отеческим участием.

Наконец, она решилась принять его помощь. Почтительно пропустив девушку вперёд, Фидо, а это был он, обхватил её шею и сжимал, пока Розамунда не обмякла.

-Эй, полегче! - вернувшийся «с того света» Дедри вытирал с лица кровь выдавшим виды платком. - Смотри, не попорти товар! Птичка нужна нам живой, да вот только песенки свои петь она больше не должна!

-Я лишь слегка придушил её: до Горнила не очнётся. Теперь пришел твой черёд чуток потерпеть!

-Мой черёд? О чём это ты? – переспросил Дедри стремительно приближавшегося к нему подельника и, не дождавшись ответа, схватился вдруг за бок. На рубахе его распустился кровавый цветок.

-Да не завывай ты так! -оборвал его стоны Фидо. – Это всего лишь царапина. Через несколько дней заживёт, как на собаке! Как прикажешь доказывать кузнецу, что доставленная девка - воительница? Скажем, что она бесстрашна и мастерски владеет клинком: с легкостью нанесла увечья двум дюжим молодцам! Наши побитые рожи, да твоя рана, лучшее тому свидетельство...

Напрасно старуха искала и звала Розамунду, причитая и заливаясь слезами. Лишь затихшие птицы в ветвях дерева, что росло возле дома, могли бы поведать ей о том, как быстрые кони уносили вдаль двоих всадников, и что с перекинутой через седло одного из них Розы встретится она теперь только на Небесах.

Мастер Рогард придирчиво осмотрел лежащую на дубовом настиле девушку:

-За нос меня водить вздумали? Она хрупка и нежна, как цветок, и единственный клинок, который сможет удержать её ручка, это кухонный нож, которым она обычно нарезает овощи и хлеб!

-Внешность её обманчива, Мастер! Поверьте, она настоящая бестия: введёт противника в заблуждение своим беззащитным видом, а потом наносит смертельный удар! Ни один из нас не посмел бы забыть об уважении к вам! Сначала эта девка без устали вышибала из нас двоих дух, а потом и вовсе ранила несчастного Дедри!

- Проклятье на ваши головы, если это не так! Делать нечего: я и так слишком долго испытываю терпение милорда. Несите сюда мечи и пластины для щитов. Да поворачивайтесь живее!

Вокруг обнажённого тела Розамунды разложили выкованные накануне мечи и несколько кованых бронзовых пластин, служащих облицовкой деревянным щитам: орнамент на них совпадал с тем, что украшал рукояти мечей. Пылал огонь, и мощный торс Рогарда блестел от пота. Закинув голову, гигант начал творить заклинание. Наконец, испустив рык, подобный тому, какой издаёт дикий зверь, встретив врага, он приблизился к девушке и одним ударом рассёк ей грудь. Сердце Розамунды всё ещё пульсировало на его ладони, когда он закончил обносить им оружие:

-Металл, прими в себя душу этой девы! И да добудет она всем победу в бою!

Очередное рискованное предприятие завершилось, и теперь, взвесив на ладони приятной округлости мешочек с полученной платой, Олард огляделся, пытаясь отыскать вывеску хотя бы одного трактира. Что ж, о таком всегда можно справиться у служивых, вот хотя бы у тех, что толпятся неподалёку. По давно выработанной привычке перед тем, как приблизиться, он замедлил шаги и прислушался.

-Это животное не издаёт ни звука. Как теперь прикажете понять - жив он или мёртв? Пожалуй, стоит насадить его на рапиру, потому как продолжать пинать его довольно утомительно на такой жаре...

Взрывы смеха, которыми зрители сопровождали каждую новую реплику героя, не оставляли сомнений в том, что они довольны бесплатным представлением, устроенным одним из стражников. Судьба несчастного, безмолвно застывшего на земле, Оларда не заботила: он рассматривал щиты солдат. Сердце его вдруг наполнилось смертельной тоской, словно он испил яда. Поравнявшись с солдатами, Олард остановился, продемонстрировав полное своё к ним презрение: его плевок почти угодил в сапог одного из них.

-Какая гнусная у некоторых привычка – измываться над мертвецами, - громко произнёс он. - Так и вижу, как ты, раздув щёки и примеряя на себя лавры победителя, разгуливаешь посреди падали, потрясая своим щитом, в то время как те, кто знает толк в сражениях, уже сделали своё дело!

-Не тебе учить меня доблести, наёмник, с лёгкостью обрушивающий свой гнев на того, за кого заплатят!

-Иногда я делаю это совершенно бесплатно! – с этими словами Олард бросился на говорившего, товарищи которого вспомнили вдруг, что их ждут неотложные дела. Схватка длилась недолго: вскоре противник лежал в дорожной пыли, не предпринимая попыток подняться – нож Оларда, приставленный к горлу, способствовал его благоразумию.

-Скажи мне, кто изготовил для тебя этот щит, и мой нож вернётся на своё привычное место! Молчишь... Дружище, скажу тебе по секрету: опасно для жизни быть таким скрытным! К тому же, терпение не относится к числу моих добродетелей, да что там, их у меня вообще нет. До того, как мы встретились, я собирался напиться, и сейчас желание это стало почти невыносимым: не уверен, смогу ли я дождаться, когда к тебе вернётся красноречие! – лезвие ножа было тому свидетелем.

-Постой, я скажу..., - стражник говорил совсем тихо, и Оларду пришлось приклонить ухо к самым его губам. Выслушав, он не в силах был сдержать ярости:

-Суеверные убудки! Зачем тогда вы ходите в церковь? Или ходить на службы – тоже одно из ваших суеверий? Пытаетесь заручиться помощью и поддержкой у кого только можно? Ну, где искать того, кто это сотворил?

-Клянусь... Клянусь, мне это не известно! Говорили, что один из них, Дедри, решил стать добропорядочным. Дело было в трактире, но те, кто ещё мог смеяться, выли, как гиены, услышав об этом...

-Знаешь, в одном ты прав: нельзя верить слову, данному наёмником. Я обманул тебя, – и Олард свернул ему шею. Нужно было поскорее убираться отсюда, и он зашагал мимо домов – всё дальше и дальше. Оглянувшись, он заметил «мертвеца», ковылявшего вслед за ним. Так продолжалось какое-то время. Наконец, Олард остановился:

-Ты решился меня преследовать? Что тебе нужно?

Тот поклонился рывком – словно переломился в пояснице:

-Благодарю вас, господин! Я обязан вам жизнью!

-Мне - спасти тебя? И в мыслях не было! – ответив, Олард продолжил путь, тут же забыв о существовании своей «тени». Так продолжалось какое-то время. Незнакомец был худ, с лицом землистого цвета и голодным блеском в глазах. -Я не просил Тебя посылать мне собаку, - проворчал Олард, смотря в куда-то в небо. -Ладно, я сейчас при деньжатах. Эй, ты! Есть хочешь? Идём, пропустим по стаканчику.

С тех пор их всегда видели вместе. Порой Олард, уже захмелев, пытался напомнить самому себе, что не нуждается в спутнике:

-Как ни посмотрю – ты всё здесь! Когда ждать этому конца? Ты чудной, как есть чудной! Вот скажи, к кому ещё ты обращаешься, когда говоришь со мной? Разве ты не видишь, что я стою перед тобою один? Оставь своё почитание для тех, на кого оно может произвести впечатление. Понял? И что ты таскаешься за мной, как привязанный?

-Ты спас меня.

-Даже не собирался! Мне до тебя дела нет.

-Теперь я твой должник.

--Ты что, не слышишь меня? Проваливай! Убирайся! Иди, куда тебе вздумается!

-Я должен вернуть долг.

-Как знаешь, только не рассчитывай, что на Небе тебе отваяют за это награду! – Олард хохотал, и смех его напоминал грохот каменных глыб, несущихся с горы. - Как, кстати, тебя зовут?

-С тех пор, как ты спросил меня об этом в первый раз, моё имя не изменилось - Чина.

Как-то Чина, правилом которого было не надоедать с разговорами, решил ему изменить и заметил:

-Ты нравишься женщинам, Олард. Никогда не думал о том, чтобы остаться с одной из них и обзавестись семьёй и хозяйством?

-Не по мне это, Чина – дожидаться смерти, прячась за четырьмя стенами! Все они милы моему сердцу: рыжеволосые плутовки, смуглянки и белокурые ангелочки, горячие кобылки и пугливые лани, те, про которых говорят «кровь с молоком» и хрупкие создания, у которых из-под нежной кожи проступают рёбрышки, вызывая желания обогреть и приголубить. Когда во мне просыпается желание, я раскрываю для них свои объятия и закрываю глаза, но, когда голод мой будет утолён, и я их снова открою – пусть ни одной из этих ...хм... уже не окажется рядом. Их имена – это не то, что я стану хранить в памяти, Чина. Лишь на зов одной я неизменно откликаюсь, и имя ей – дорога.

-Порой влюблённый юноша напишет имя своей возлюбленной, а потом, чтоб ни одной живой душе не стала известна его тайна, накладывает сверху штрих за штрихом, пока их чернота окончательно его не скроет...

-Какое мне дело до того, что творится в головах у молокососов! Позволь, в свою очередь, заметить: ты слишком скрытен, Чина. Я ни разу не видел, чтобы ты увивался за чьей-нибудь юбкой!

-Я воин, и поэтому берегу свои силы – они не должны закончиться раньше, чем я исполню задуманное. У моего народа есть знания и способы сохранять мужское семя, тем самым сохраняя жизненную энергию. Совершенствовавшиеся в этом императоры отличались хорошим здоровьем и долголетием.

-О, Чина! Видно, у тех, кто это придумал, было слишком много свободного времени, раз они тратили его на то, чтоб отыскать подобные способы. Да, с ними явно было что-то не так! Так что это за способы?

Как-то им навстречу попала старуха, с головы до ног одетая в чёрное, а лицом тёмным и морщинистым, словно печёное яблоко, водянистые глаза были устремлены вдаль, но ни один лежащий на дороге камень не заставил её споткнуться. Взглянув на старуху, Чина подумал, что дорога, по которой она ступает, сама ведёт её, и видит она то, что недоступно взглядам других. «Прекрасные призраки, милые сердцу,» - подумал Чина. Старуха напевала, то и дело делая паузы, словно в это время набиралась сил, чтобы их хватило спеть песню до конца: «Кружится босая плясунья...под взглядами звёзд-завистниц...» Олард оглянулся ей вслед, потом, помрачнев, спросил:

-Не так ли выглядит смерть, Чина?

Весь день он был молчалив и сумрачен, что заставило Чину изменить своей обычной сдержанности:

-Что сделала с тобой песня той старухи?

Задавая вопрос, он особо-то и не надеялся, что Оларду захочется на него отвечать, поэтому, немного подождав, он занялся своими делами. На следующий день Олард заговорил:

-Ты не ошибся, Чина... У меня была возлюбленная - единственная женщина, с которой я хотел бы встретить старость, а для этого нужно было отправиться в поход и вернуться с достаточным количеством золотых, чтобы поход этот стал последним. Роза напевала эту песню, когда хлопотала по дому: делает что-нибудь, всегда так ловко и споро, а сама мурлыкает себе под нос. Я люблю Розу до сих пор... Любовь моя не ослабевает – время над ней не властно. Я всё

ещё ищу её, всё ещё надеюсь, что увижу её однажды, но встретив эту старуху, я вдруг почувствовал необъяснимую печаль, как будто вести, которые я так долго ждал, оказались плохими.

Он полез в походный мешок и достал из него медную пластину, крепившуюся когда-то на щит:

-Она ведёт меня, - он протянул пластину Чине. – Это может показаться странным, но она указывает мне путь. Когда я смотрел на пластину впервые, произошло необъяснимое: я увидел вдруг Розу. Она была неподвижна, словно спала, и ветер играл прядями её волос – совсем, как у мертвецов, что остались лежать на поле боя и больше не могут воспротивиться его забавам...Прощу, не смотри на меня так, будто хочешь сказать, что лучше бы путь нам указывали гусь или коза, как простолюдинам-крестоносцам когда-то!

Чина вернул пластину владельцу, ничего не сказав, хотя и подумав, что, если уж на то пошло, гуся или козу они могли бы съесть, коль станет совсем туго.

Как-то, застигнутые в пути грозой, они поспешили укрыться в пещере, вход в которую заметили с дороги. Оказалось, пещера была пристанищем старого бродяги. «Ничего, места на всех хватит,» - примирительно заметил Чина. Разведя огонь, он протянул старику несколько сухарей из их дорожных припасов, а тот в ответ вытащил из-за пазухи небольшую фляжку, предложив им «согреться». Олард за всё это время не проронил ни слова, посему Чина отказался от угощения за них обоих.

-Жалко-не жалко, готовься сейчас:

Хлеба, а лучше б монеты,

Достань из мошны,

Да подай бедняку, -

Они не в ходу на том свете!

Делиться Господь повелел,

Не скупись: жена пусть бродягу приветит,

За малость такую за гробом тебя

Не черти, а ангелы встретят!

Старик с хитрецей подмигнул им, потом снова затянул:

-Если ж дрожал, как ревнивый супруг, -

Трясся над каждой монетой...

Олард, помрачнев вдруг, всадил бродяге нож под рёбра.

- За гробом огня тебе не избежать, и чёрт у печи тебя встретит...Я тоже знаю эту песню! – добавил он, обтирая лезвие о край его плаща.

-Чем не угодил тебе этот старик? Видно демону, заставляющему тебя делать это, по нраву сегодняшнее ненастье... Должно быть, его разбудило завывание ветра!

Оставив вопросы Чины без ответа, Олард поднял с земли выдавший виды заплечный мешок старика и вытряхнул под ноги его содержимое.

- А стрик был непрост, - заметил Чина, разглядывая тускло поблёскивающие в отсвете костерка золотые монеты и несколько украшений из того же металла. Олард протянул руку за одним из них:

-Это медальон Розы. Я сам подарил его ей...

Раскрыв створки медальона и убедившись в своей правоте, он опустил на траву рядом с мертвецом:

-Ты прав. Я сожалею, что убил его...Надо было сначала выбить из старого мерзавца правду.

Чина заглянул ему за плечо:

-Чей это портрет?

-Моей матери...,- Олард усмехнулся, заметив на лице Чины тень смущения. – Вот видишь...А Розамунда была столь добра, что делала вид, будто верит мне. Моя мать...Я почти не помню её. В памяти сохранилось лишь светлое пятно вместо лица, да ещё какое-то щемящее чувство тоски и нежности. Думаю, она любила меня...Этот медальон – один из моих военных трофеев: все мы неплохо обогатились в том походе. Кто знает, чей это портрет...Рози сказала: «Знай, что теперь два сердца возносят за тебя молитвы. Не сомневайся, не проходит и дня, чтобы матушка твоя не вспоминала о своем потерянном малютке и не просила у Бога для тебя счастья, и, если даже вам не доведется встретиться на этом свете, чтобы Он всегда хранил тебя!» Теперь, Чина, некому больше за меня помолиться!

-Так молись сам.

-Мне? Молиться Богу? Где же он? Я прошёл много дорог, но ни разу не встречал Его ни на одной из них, а вот Розамунда -та молилась усердно...Если далёкому Богу не было дела до её чистой души, с чего бы ему услышать такого, как я?

-Я знал одного старика, хотя знал, на самом-то деле, о нем только то, что он бредёт откуда-то и куда-то...Он как-то сказал мне, что душа человека – дом, в который залетела птица: она перелетает от одного окна к другому, пытаясь обрести свободу. Из окон льётся свет, и в доме тепло, но она не оставляет своих попыток, и так продолжается до тех пор, пока не придёт владелец дома и не выпустит её в небо.

-У меня, Чина, тоже есть история про птиц! Видел ты когда-нибудь, как, гонимые смертельным страхом, разбегаются во все стороны по птичьему двору куры, завидев хозяина с наточенным ножом в руках? Но вот, наконец, выбор пал на одну из них: несчастная поймана и трепещет в ожидании своей участи. А что же остальные обитатели курятника? О, страх свой они уже позабыли, и теперь толпятся у ног хозяина, тесня друг друга, в ожидании вкусных капель крови и кусочков тёплых ещё потрохов, что бросит им хозяйская рука. Люди действительно мало чем отличаются от глупых птиц, Чина. А старики...Что им ещё остаётся, кроме как рассказывать сказки о Боге? Они сдались немощи, и впереди у них – лишь последний порог, вокруг – пустыня человеческая, а Фортуна, эта плутовка, забыла их имена навсегда, да они, порой, и сами их уже позабыли. У мальцов беспризорных – у тех хоть есть надежда, что в будущем судьба им улыбнется, а таких, как твой старик, ждёт одно: однажды утром кто-нибудь споткнется об их окоченевший труп, а к обеду все уже об этом и думать забудут, если не ещё раньше.

-Не знаю, Олард. Того старика опускали в землю с застывшей на его лице счастливой улыбкой...

Встреча с бродягой всколыхнула в Оларде воспоминания: словно невидимая рука зачерпнула воды с самого дна реки, и под слоем песка и ила обнаружилась драгоценная крупица, до этого под ними скрываема. Нет, Олард ничего не забыл...

Маленькие налитые, похожие на перевернутые чаши груди венчали нежно-розовые соски, такие крохотные, что Олард подумал тогда: «Как же Рози будет кормить ребенка?» Он подул на розовые горошины, и ореол вокруг них сморщился в ответ на это нежное дерзновение, что заставило его улыбнуться: «Маленькие недотроги!»

-Чему ты улыбаешься, Оли?

-Наверно, я похож на великана, играющего с жемчужинами! Разве это не чудо, что ты полюбила меня? Я груб, неотёсан, лицо моё - словно высечено чьей-то неумелой рукой на каменной глыбе тремя ударами резца: каменные идолы дикарей выглядят и то совершеннее. Что вы нашли во мне, моя госпожа?

-Я не помню своего отца, и меня некому было защищать, а рядом с тобой мне кажется, что теперь со мной не может случиться ничего дурного. Ты отобьешь меня даже у самой смерти!

Твое тепло – оно родное для меня, обхватывая тебя руками, прижимаясь к тебе, я чувствую радость, и невольно сама начинаю пылать.

-Ах, девчонка! Отныне настал конец моему покою! Вдруг, спасаясь от охватившего тебя жара, ты сбросишь с себя одежды прямо посреди толпы, и тогда мне придется убить каждого, кто посмел прикоснуться к тебе хотя бы взглядом!

-Я более разумна, чем тебе кажется! Мне нужен лишь твой взгляд. Лишь твои руки. Только твои губы...А знаешь, что ещё только твоё нужно мне прямо сейчас? Иди ко мне... Не могу больше ждать!

После, совершенно уже обессиленные, они лежали рядом, и Роза шептала:

-Я хочу проникнуть в тебя всем своим существом, слиться воедино, чтобы твоё горячее тело растопило мое, подобно тому, как пламя плавит воск, а потом впитало в себя совершенно, все равно как раскаленная земля жадно впитывает влагу...Тогда мы станем словно дерево с единым стволом, дерево, питаемое и омываемое едиными соками, едиными чувствами...

-Наступят холода, всё словно оцепенеет...

-И тогда наступит время самых длинных ночей...Жду не дождусь, - он вдыхал её аромат.

-Подожди, Оли! Придут холода, но в нашем доме – нашем с тобой маленьком мире – будет тепло. Ты станешь рассказывать мне о своих походах, ничего не утаивая (ну, разве что о женщинах, которых ты встречал на пути и которых так много во всех землях), а я буду то умирать от страха, слушая тебя, то радоваться и возносить молитвы Пресвятой Деве за то, что ты вернулся ко мне живым, а потом целовать твои шрамы...

Они надеялись, что обрели друг в друге последнее пристанище, пристанище, к которому душа стремится, чтобы найти, наконец, покой и счастье. Роза была для него светом, и он возвращался на этот свет, как корабли идут на свет маяка, пока чья-то злая воля, чьё-то червивое сердце, изъеденное завистью и злобой, не погасило его. Кто бы он ни был, но он пожалеет, что родился на свет!

-Почему ты так уверен, что её не отыскать среди живых? – услышав сдавленный стон Оларда, Чина приподнялся на локте и смотрел теперь на него, ожидая ответа.

Олард полез в карман:

-Видишь это? – на его раскрытой ладони лежала крупная бусина. - У матери Розы из богатства была одна лишь нитка бус, и на моей ладони лежит сейчас всё, что от неё уцелело. Роза продела в бусину нить и носила этот нехитрый браслетик, не снимая. Говорила: «Он покинет мою руку лишь когда я умру!» Старуха протянула мне её в ответ на расспросы, когда я пришёл прижать к сердцу мою возлюбленную после долгой разлуки и не нашёл её. Она отыскала бусину на полу сарая...

В один из вечеров Олард, поворочавшись перед тем, как заснуть, под старой попоной, заменявшей ему одеяло, спросил:

-Скажи, Чина, а тебя и в самом деле так зовут? Сегодня в одной грязной забегаловке, той, что недалеко от порта – туда ещё заваливаются матросы со всех судов, заходящих в него, я слышал, как одного малого окликали точно так: мол, Чина, надолго ты собрался здесь задержаться?

Чина не торопился с ответом.

-Во-лун, Чжао Юнь Во-лун, - наконец донеслось до Оларда. – В день, когда я завершу то, что должен, я в последний раз вспомню, что меня когда-то так звали. А ты помнишь, как выглядел тот малый?

-Вот уж и вправду малый: ростом с ребёнка, жилист, желтолиц, волосы заплетены в косицу, напоминающую крысиный хвост, и с изуродованным ухом. Да, ещё голос у него...Хотя, на самом деле, голосом это назвать трудно: он сипит, словно...

-Словно ему ударом по горлу повредили связки..., - закончил за него Чина.

- Так ты встречал его?

-Я встречал много разных людей. Всех не упомнишь. -Видишь, Чина, ты можешь понять меня, как никто другой: ты тоже должен завершить то, что для тебя важнее жизни...

Глубокой ночью Чина бесшумно поднялся с лежанки: наклонился над Олардом, прислушиваясь к его дыханию, а потом выскользнул за дверь. Вернувшись, он встретил взгляд товарища, у которого и следа сна не найти было ни в одном глазу.

-Вижу, этой ночью не одному мне не спится, – заметил Олард.

Чина молча бросил к его ногам косицу, срезанную с головы желтоликого.

-Долго же ему теперь придётся отращивать новую, - покачал головой Олард.

-Вечность. Целую вечность, - пробормотал Чина.

-Позволь мне, Чина, в свою очередь задать тебе этот вопрос: «Чем же не потрафил тебе сей несчастный?»

-Он забрал мою жизнь...

-Как по мне, так ты гораздо живее других! Раз уж нас обоих сон не берёт, может, расскажешь? -Ты доверился мне, поэтому будет справедливым, если я поступлю так же. Я помню всё случившееся, как будто это было вчера: наступило время Ся Чжи, воины расположились в тени живой изгороди – цветущего гибискуса: «Чай из цветов пурпурного нефрита, да тарелка его умело пожаренных цветов, да к ним, впридачу, стакан сливового вина, и благосклонность фермерши, обмахивающая тебя веером из листьев рогоза – что ещё нужно для улады в летний вечер?» Я узнал говорившего: голос его неизменно терзал слух тех, кому доводилось его слышать (в своё время Куай Юэ вышел живым из жестокой схватки, получив удар по горлу и лишившись части уха). Прервав их пустую болтовню, я приказал воинам сменить на посту товарищей и следить в оба: правитель соседнего княжества Лю Сунь уже подсылал убийц к нашему господину - правителю Чжан Юю. Принимая у себя княжича Юань Чжао, Чжан Юй, захмелев от выпитого вина, имел неосторожность заметить, что Лю Сунь принимает решения скорее как человек, а не как мудрый правитель, поэтому его войско сейчас очень ослаблено и не сможет противостоять нападению извне. Здесь необходимо сказать, что Лю Сунь влюблён был в свою жену, и с подачи одного из своих придворных -авантюриста Гу Бяо, велел устроить большую охоту, чтобы изловить в угоду ей белого тигра с яшмовыми глазами, которого, как уверял Гу Бяо, видели в лесу. Во время этой охоты погибло много воинов, бывших загонщиками. В поисках белого тигра они всё больше углублялись в лесные дебри, и не успели вернуться до наступления холодов. Обессиленные, без запасов еды и тёплой одежды загонщики становились добычей диких зверей, холода и болезней. Княжество Чжан Юя было невелико, чтобы бороться с другими князьями, но, объединись он с Юань Чжао, их союза стоило бояться. Лю Суню донесли о состоявшемся разговоре, и он решил избавиться от княжича Чжан Юя. Я ведал его охраной, и доверял каждому воину, находившемуся под моим началом – все они были не раз проверены в сражениях, включая Куай Юэ, который оказался предателем. Он убил моего господина, подкараулив его в отхожем месте, но поступить на службу к Лю Суню ему не привелось: недовольные самодурством правителя подданные подняли против него восстание и, пытаясь бежать, княжич Лю Сунь был убит. Я был незнатного происхождения, и всё же мой господин обходился со мной лучше, чем я того заслуживал, он принимал мои советы, и даже поставил начальником охраны, поэтому когда-то я поклялся ему в своей преданности, и его смерть клятвы моей не отменила. Я искал Куай Юэ по всему свету, и вот -- я убил предателя! Теперь ты услышал всё, что хотел, и самым разумным будет забыть услышанное – из всех действующих лиц этой истории в живых никого больше не осталось, включая начальника стражи Чжао Юнь Во-Луна. Есть Чина. Таково моё решение.

-Как скажешь, - пожал плечам Олард. Через несколько мгновений он уже крепко спал.

Опасаясь погони, путники взяли за правило избегать крупных поселений и ни в одном не задерживаться подолгу, но в местечке Льюбур они побыли дольше обычного, и Чина был

уверен, что причиной тому пришедшее по душе Оларду местное питейное заведение. В те дни уже без малого неделю ветер срывал шляпы с прохожих, а из низких серых туч без остановки шёл дождь, заставляя жителей мечтать о сухой одежде. Всё это, по мнению старожил, было верным признаком того, что кто-то недостаточно почтительно повёл себя на могиле старой колдуньи. Непогода заставляла открывать дверь пивной даже тех, у кого до этого не было в обычае коротать здесь вечера.

- Ты не очень-то искусен, Олард, одно спасенье - добрый ром, он делает слушателей не больно-то притязательными... Давай поспорим, что я знаю историю позанятнее твоей? - в единственном глазу Инджельдины - второй скрывала чёрная повязка - плясали огоньки, а может, то отражалось в нём пламя светильников.

Олард брошенный ему вызов принял:

- Угощаю всех бездельников за этим столом, если это так!

Свидетели спора одобрительно загудели: - Давай же, Инджельдина! Не томи, а то в глотке совсем пересохло!

- Было у одного знатного господина три сына и дочь - красавица...

- Ну, а имя? Имя у него имелось?

- Мертвецам имена ни к чему. Оставим их в покое... Так вот. Красавица, говорю. Жаль, что не умница. В один прекрасный для всех, кроме, правда, неё, день отец объявил, что в замок ожидают другого знатного господина - годами ровесника хозяину, для которого устроят охоту и пиршество. Гостя встретили достойно: всем он остался доволен! Да вот только воспоминание о смехе дочери хозяина, напоминавшем звучание серебряного колокольчика, не давало ему с той поры покоя, и в замок посланы были сваты. Жених был богат и всё ещё крепок, но девушке он казался стариком, да и сердечко её трепетало при встречах с одним молодым господином, рода хоть и не захудалого, но к тому времени обнищавшего. Тот в тайной переписке признался ей, что с недавних пор грезит одной лишь ею, и лелеет надежду на то, что настанет день, когда они будут вместе. Влюблённые решили тайно обвенчаться. Под покровом ночи быстрые кони уносили их навстречу судьбе, но вдогонку им пустилась погоня: дядя сбежавшей невесты - брат-близнец отца, а с ним - трое её братьев. Беглецов настигли, и завязалась схватка. Возлюбленный девушки - храбрец, искусно владевший оружием - убив дядю и двух братьев, ранил и последнего из четырёх преследователей. Тот о пощаде не просил - лишь смотрел на любимую сестру глазами, которые, как говорили в тех местах, «словно из её же собственных глаз выпали», ведь они были близнецами. Девушка стала умолять возлюбленного сохранить брату жизнь, но тщетно. Оставив погоню спать вечным сном в чистом поле, беглецы достигли ворот родового замка новоявленного супруга, где их уже ожидала его матушка с ужином. Кушанья не лезли девушке в горло. Предсмертный взгляд брата жёг её душу, лишая покоя: слишком поздно она поняла, какой ценой заплачено было за счастье... Утром дворецкий нашёл молодого хозяина спящим беспробудным сном: из груди его торчал нож, а рядом, на месте, где должна была почивать новобрачная, оставлено было подаренное ей обручальное кольцо с большим рубином - уцелевшая фамильная драгоценность. Обезумевшая от потери единственного сына и наследника мать поклялась найти и покарать его убийцу. Правда, говорят, что та, что стала причиной стольких смертей, сама бросилась с обрыва в море, но иногда её призрак можно увидеть бродящим среди волн, и если явился он перед глазами девицы, собирающейся вскоре замуж, то быть браку несчастливому...

- Твоя взяла, Инджи! Мы все рыдаем! Всем выпивку - нужно поскорее забыть эту историю!

Всё же впечатление от услышанного оказалось столь сильным, что рассказчице пришлось помогать Оларду с ним справиться, и ночь они провели вместе. Наутро Олард, открыв глаза и увидев Инджельдину, расчёсывающую свои густые каштановые волосы у трюмо, рядом с которым на полу валялся дамский белокурый парик, сказал:

-Инджи, у тебя волшебный ром, не иначе...Ночью мне привиделось, что у тебя вырос новый глаз!

А она, повернувшись к нему лицом, на котором искрились от смеха два прекрасных орехового цвета глаза, заметила:

-Нужно верить в чудеса, Олли, потому что это - одно из них!

И они оставались в постели до самого ужина, время от времени подкрепляя силы вином, да ещё остатками вчерашнего кролика.

Трактир принадлежал Микеле Цыгану. Купив его когда-то, он сделал Инджельдину хозяйкой, оставив завещание, по которому она наследовала трактир после его смерти. Наткнувшись в одно пасмурное холодное утро на её бездыханное тело, выброшенное волнами на берег, Микеле выходил её, продолжив заботиться об Инджи и после того, как она полностью оправилась, ничего не требуя взамен. Со временем они стали любовниками. Появляясь в этих краях, он стучал в дверь Инджельдины всегда поздней ночью, и те несколько дней, что проводил с нею, из верхней комнаты к посетителям никогда не спускался, исчезнув потом так же, как и появился – среди ночи. Первые несколько лет Инджи ждала, что их редкие свидания принесут свои плоды, но долгое пребывание в холодной воде дало о себе знать, и она сказала себе, что всё к лучшему: если бы её отыскиали, то забрали бы жизнь не только у неё, но и у её ребёнка. Она была благодарна Микеле и по-своему его любила. С годами он стал менее пылким: его отец умер во время любовного свидания с какой-то креолкой, и Микеле преследовал страх, что его сердце тоже однажды не выдержит, ведь внешне он был копией отца. Когда они виделись в последний раз, он быстро утомился, но был с ней нежен и умел, не оставив её разочарованной их свиданием. Успокоившись, она, еле касаясь, провела пальцами по его лбу, изборождённому морщинами, потом «обрисовала» седеющие брови и, наконец, прямой, с горбинкой, нос. Усмехнулась:

-Судьбу не перехитришь: она меня всё же настигла...Когда-то я не захотела стать женой старика, и что же? Посмотрите, с кем я сейчас делю свою постель!

-Ты ведь знаешь, что делала меня счастливым, девчонка?

-Да уж, девчонка так девчонка. Теперь один только ты меня такой и видишь...

-Я смотрю на тебя глазами любви – лишь они видят истину.

Он поднёс к губам кончики её пальцев, а потом положил ладонь Инджи себе на грудь – туда, где билось усталое сердце, и задремал. Она смотрела на лежащего рядом старика, на лице которого стали уже проявляться коричневые пятна – эти «веснушки старости», и по щекам её текли слёзы. Она оплакивала их прошедшие жизни. Больше они с Микеле не виделись: и месяца не прошло с той их встречи, как он умер во сне.

Олард пришёл в её жизнь, подобно весне – этой благословенной поре, в которую всё застывшее и замершее наполняется живыми соками, и ей показалось, что она ещё может быть счастлива. В жизни с ней случилось много чего, кроме, разве что, того, о чём она просила Небо и на что надеялась, поэтому и за это «показалось» она была благодарна судьбе, забыв о том, что единственная достойная плата за любовь – это жизнь. Охваченная искрящейся радостью, еле удерживаясь от того, чтобы не запеть или, чего доброго, не пуститься в пляс, Инджельдина отправилась к лучшей белошвейке, чтобы заказать несколько платьев – пусть будут из лучшего имеющегося материала и чтоб по последней моде. Та же, снимая с неё мерки, не удержалась от похвалы, окинув взглядом высокую грудь и по-девичьи тонкий стан Инджи:

-Да вы ещё красotka хоть куда!

О, да! Красота её не увяла, и Инджельдине захотелось, чтобы этому нашлись свидетели – пусть даже это продлится всего несколько мгновений. Отказавшись от обычной своей осторожности и уверовав, что любовь будет ей оберегом, она появилась перед посетителями в одном из новых нарядов и без повязки на глазу. Видно, не все они были тогда настолько пьяны, чтобы не вспомнить об этом на следующее утро. В один из последующих дней Курносая Мэгги, помо-

гавшая обычно Инджельдине, застала хозяйку спящей прямо в зале: та сидела за одним из столов, привалившись к стене – каштановые пряди волос змеились по плечам. «Ну и ну, с чего бы это ей так уставать! Под шалью - всё ещё ночная сорочка, и гребень не касался волос, – подивилась девушка, притронувшись к руке спящей, холодной, как лёд. – Не иначе как заболела!» Разбудить охваченную смертельной усталостью хозяйку могли теперь только трубы архангелов: чья-то рука вонзила в сердце Инджельдины нож. Решили было, что это дело рук грабителей или же одного из тех посетителей- ну, знаете, из тех, кто любит напиваться рано - но потом перестали грешить как на первых, так и на вторых, потому как у Инджи ничего не убавилось, а даже наоборот – прибавилось: на одном из пальцев её изящной руки появилось кольцо с кроваво-красным камнем, что породило мрачные суеверия, мол, не иначе, как сама Смерть сосватала её за кого-то.

После смерти Инджельдина вновь получила право быть собой: хоронили её без парика и чёрной повязки, обычно прикрывавшей глаз – их сожгла в камине безутешная Мэгги, оплакивающая смерть хозяйки. Олард же решил, что в Любуре они и так уже сильно задержались, и если Чина не изменил своего решения следовать за ним, то пора двигаться дальше. Сообщив ему о своём решении и не дождавшись ответа, он всё же спросил, чего ни за что не стал делать бы раньше:

-Ты сердит на меня?

Чина промолчал, словно не расслышав вопроса, и только вечером, когда оба они почти уже засыпали, сказал:

-Инджельдина решила, что ты хочешь остаться с ней. Если бы она не вбила это себе в голову, то была бы сейчас жива.

-Послушай, Чина, я пёс, идущий по следу, не зная покоя! Той ночью между мной и Инджи случилось не больше того, что случилось. Ну, может, и ещё потом пару ночей...

- Вы были вместе без малого месяц.

-Хорошо, я не силён в счёте. Мы *не просыхали вместе* без малого месяц. И это всё, что было, и всё, что могло быть. Мне жаль, что с ней такое случилось, но хватит об этом.

Утром Олард, не говоря ни слова, ушёл. Его не было несколько часов, и Чина решил было, что этим утром они виделись с ним в последний раз. Услышав за окном его раскатистый смех, он облегчённо вздохнул. Олард вернулся с «добрыми вестями»:

-Одному из богачей патрициата нужны смельчаки для сопровождения его товаров. Дорога дальняя, к тому же небезопасна: торговые караваны – хорошая нажива для владельца земель, через которые она пролегает. Ходят слухи, что лесная братия не без его благословения грабит проезжающих: видно, он не гнушается таким способом поддерживать свои дела. И да, мы будем находиться в приятном обществе - с нами отправится госпожа Абельяр, состоящая в дальнем родстве с нашим купцом! Надеюсь, ты ещё не устал от путешествий?

-Ты собираешься взяться за это, не залечив недавних ран? Тебя так прикончат раньше, чем ты отыщешь «сам - не знаешь - кого»!

-С каких пор ты стал предсказывать несчастья, как старая баба? В дорогу, Чина! - и Олард продемонстрировал увесистый кошель. – Наниматель велел мне на своё усмотрение подобрать людей, сколько потребуется для дела, но зачем нам ещё кто-то? Мы и сами не промах! Поделим плату на двоих!

Добрая часть пути осталась позади, и, казалось, самое уже время было начать думать, что они без особых хлопот заработали кругленькую сумму, когда это отменило возникшее на дороге препятствие: несколько поваленных деревьев, перекрывавших проезд, на мощных стволах которых сидели двое незнакомцев.

-Похоже, нас встречают, - заметил Олард.

-Может, эти двое путников просто решили дать отдых своим ногам, - не слишком-то уверенно возразил Чина.

Один из незнакомцев поднялся:

-Какая удача, что вы не попали в недавно бушевавшую здесь бурю! Надеюсь, господа не слишком торопятся?

-А если и так? – поинтересовался Олард.

-Мы с радостью поможем вам растащить эти деревья в стороны – за часть товара, который вы везёте.

-Да мы, хвала Небесам, пока ещё не обессилели. Нам чужая помощь ни к чему, – заверил путника Олард.

-Уверю вас, без нашей помощи вам не справится, – отдохнувший и набравшийся, судя по всему, кроме сил ещё и невиданного нахальства незнакомец наполовину вытащил меч из ножен.

Олард широко улыбнулся:

-Да я разве против, братец? Но только ты меня тоже уважь: заплати за то, что говоришь со мной!

-Видно Создателю, когда он тебя такого огромного лепил, на мозги для тебя материала уже не хватило! С чего это я должен платить за разговоры с тобой?

Олард, краем глаза заметив движение среди деревьев, не подал вида.

-Поди, поди на ухо скажу! – не переставая выказывать дружелюбие, он поманил «собеседника» пальцем. Когда же тот, нехотя, приблизился, сообщил:

-Потому как лясы со мной точить – диво дивное! Все, кто со мной встречался, тебе слова мои скоро подтвердят: неразговорчивый я – стесняюсь больно! Привет им от меня передавай! – и ухватив бедолагу за шею, он ударил его головой о своё крепкое колено. Убедившись, что тому больше не до разговоров, Олард крикнул:

-Ну, кому ещё на ушко пошептать?

Видно, сам того не зная, он произнёс заклинание неведомой силы, вызвавшее лесную нечисть: из леса на дорогу стали выскакивать вооруженные молодцы свирепой наружности. Завязалась схватка.

-Послушай-ка, Чина, думаю, не ошибусь, если скажу, что стиль, который ты использовал, чтобы успокоить этих невезучих болванов, называется «сенокосец»! – предположил Олард, оглядывая картину сражения, когда желающих получить с них дань больше не осталось.

Желая приободрить скрывавшихся за шторкой дам, без сомнения, обмиравших от страха, он наклонился к окну кареты и с улыбкой на залитом кровью лице произнёс:

-Сударыни, прошу прощения за мой внешний вид и за эту задержку! Дорога завалена обрубками... всевозможных деревьев. Как только мы разберём завалы – немедленно продолжим наш путь!

По прибытии в поместье, госпожа Абеляр стала горячо убеждать их воспользоваться её гостеприимством:

- Настоящее безрассудство – пускаться в обратный путь, не залечив ран и не набравшись достаточно сил для дороги, на которой вас может подстерегать опасность! Останьтесь! Я могу лишь просить вас об этом, потому что настаивать, к сожалению, не имею права!

Они приняли приглашение госпожи Абеляр, и следующие несколько недель купались в её внимании и заботе. Олард часто ловил на себе её пристальный взгляд, и даже признался Чине, что пребывает в полном недоумении: «Будь наша гостеприимная хозяйка помоложе, у меня было бы больше уверенности в том, как можно истолковать все эти взгляды!» Особое расположение госпожи Абеляр к Оларду не укрылось от глаз графа Фрако, несомненно достойного во всех отношениях и к тому же весьма состоятельного её соседа, надежда которого обрести взаимность с госпожой Абеляр не угасла с годами. Всё прояснилось на небольшом званом ужине, который госпожа Абеляр устроила в честь благополучного завершения своего путешествия. Появление на горизонте соперника заставило графа взять в руки лютню:

О том, что я влюблён,
Не скажет никому
Листва, что в заговоре с ветром –
Он листву волнует,
Она же
Лишь касается слегка
Её щеки, щеки,
Которую вместо меня целует.

Как быстротечны тёплые деньки...
Не будет мил ей вид
Заснеженного сада.
Я розы стать шипом
Хотел бы от тоски –
Заметит, уколотившись,
В том моя награда...

Голос графа хоть и не отличался силой, но звучал чувственно и проникновенно.

-Старик, похоже, в отчаянии, - прошептал Олард, наклоняясь к уху Чины. – Клянусь, я этого не хотел.

Госпожу Абеляр, напротив, страдания «влюблённого садовника» совершенно не взволновали. Она устремила свой взор на Оларда:

-Вы - совершенная загадка! Схватка с лесными разбойниками, чему я была свидетельницей, без сомнения показала Вас, как человека, не знающего страха, искусного воина, но больше о Вас ничего не известно! Откуда Вы? Кто Ваши родители?

-Поверьте, госпожа Абеляр, я и сам хотел бы это знать. Матушку я потерял совсем рано, а отца, похоже, и ещё раньше!

-Вы совсем не помните её, мой мальчик?

-Со мной остались лишь смутные воспоминания о неких светлых днях – видно, мне всё же не удалось избежать их в детстве, - он улыбнулся, давая понять, что относится к этому легко - чтобы успокоить её. - Я не помню лиц, ведь был совсем ещё ребёнком... Хотя это могло быть связано вовсе не с нею, а с кем-то другим. Может, просто кто-то накормил меня досыта и оставил ночевать в тепле, но я решил: пусть это будут воспоминания о матери.

-В моём роду как мужчины, так и женщины отличались высоким ростом и силой, были мощными, как вековые дубы, что растут в нашем поместье. Отец мой был знатен, но, когда пришло время выдавать меня замуж, дела его пошатнулись, и всё же за мной дали хорошее приданое. Мой старший, горячо любимый брат с ранних лет рос далеко от родительского дома – отец отдал его на воспитание в семью другого рыцаря, в дружбе с которым был заинтересован. Брат унаследовал отцовское владение – то, что от него осталось, и произвёл на свет троих сыновей, младших из которых ждало незавидное будущее: средства к существованию они должны были добывать либо копьём и мечом, участвуя в походах, либо идти в монахи, и самый младший из сыновей моего брата действительно был отдан в монастырь, но бесследно исчез во время одного из варварских на него набегов. С тех пор судьба его неизвестна... Вы не находите, что у нас с Вами есть некоторое внешнее сходство? В моём сердце через столько лет вдруг затеплилась надежда... Вдруг Вы и есть то исчезнувшее дитя?

Госпожа Абеляр и вправду выделялась среди прочих дам статью и ростом, к тому же глаза её, как и глаза Оларда, были серо-голубого цвета. Олард склонился в почтительном поклоне:

-Моя госпожа, это было бы чудом, которого я, поверьте мне, не достоин! -Глядя на Вас, я испытываю необъяснимую нежность. Сердце, разве его обманешь? Вы не сохранили воспоминаний о своих ранних годах, так почему не предположить, что мы с Вами не чужие?

Она предложила ему остаться и взять в свои руки управление помещьем: нынешний управляющий был ей предан, но стал стар. Олард, не желая немедленным отказом разбить ей сердце, был уклончив и тянул с ответом.

-Ты стал надоедлив, как осенняя муха! Я не собираюсь воспользоваться слабостью немолдой, потерявшей родных женщины, - раздражался он из-за настойчивых вопросов Чины. – Что со мной? Почему я всё ещё здесь? Куда, скажите, подевалась моя решимость?

-Ты можешь обрести материнское тепло и заботу, которых был лишён. Чем это плохо? Поверь, наконец, что судьба улыбнулась тебе, и перестань этому сопротивляться.

Не выдержав печали, до краёв наполнявшей глаза госпожи Абельяр, и уступив убеждениям Чины, Олард принял решение остаться в поместье. Вскоре после этого, поднявшись до рассвета, Чина покинул гостеприимное жилище и его хозяев, не прощаясь. Половину дня он шагал, не давая себе отдыха, решив сделать привал, лишь когда оставит поместье далеко позади. Когда голод стал сильнее воспоминаний, отражавшихся время от времени улыбкой на его лице, он разжился овощами у старухи-торговки.

-Эй, мужик! Почём брюкву сторговал? - голос окликнувшего его наглеца показался Чине знакомым, и он оглянулся: его догонял улыбающийся Олард. Поравнявшись, тот состроил унылую гримасу:

-Не густо...Кроме этого, больше нечем заморить червячка? Я собирался в спешке, поэтому, признаться, было не до завтрака!

-Тебя до скончания твоих дней ожидал бы сытный завтрак, подаваемый слугами в ливреях и не иначе, как на блюдах фамильного сервиза. Во время ужина ты вонзал бы серебряную вилку в бок прожаренной куропатки, а если бы у Вашей милости, не дай Бог, пересохло в горле, то на этот случай всегда нашлась бы бутылка доброго вина из тех, что батареями вывешаются вдоль стен старого погреба! Почему ты снова шагаешь рядом со мной по пыльной дороге?

-Знаешь, не по мне это – разные там церемонии, хотя о вине я, признаться, вспоминаю с сожалением. Я привык к другому: то и дело ловил себя на желании разграбить там всё и перерезать пару-тройку глоток! Сам понимаешь, за несколько дней трудно отвыкнуть от старых привычек. Зачем было подвергать опасности обитателей поместья, отнесшихся к нам с таким гостеприимством. К тому же, о госпоже Абельяр найдётся кому позаботиться, - с улыбкой закончил Олард, вспомнив о «влюблённом садовнике».

Так они и шли, делая то, что умели делать лучше всего, и незаметно учась тому, чему учиться вовсе не собирались, и очень удивились бы, узнав, что к имеющимся у них способностям добавилась ещё одна, та, которую хочет видеть в человеке Бог - принимать друг друга. Время от времени их нанимали сопровождать груз: все владельцы, доверившие им свой товар, оставались довольны, и слава Оларда и Чины летела впереди них. Очередной груз готовился к отправке, и Олард следил за работой слуг, укладывавших мешки на повозки. Из походного шатра, установленного неподалёку, вышел очередной «прихожанин». Олард усмехнулся: он уже какое-то время с интересом наблюдал за теми, кто прибегал к услугам странствующего проповедника и установил, что женщин под полог шатра ныряло гораздо больше, чем мужчин, при этом некоторые из них приходили послушать проповедь не один раз. «Вот ведь, как грех бедняжку припёр, ни спать она, ни есть не может – только и ждёт, как бы побыстрее исповедаться,» - качал он головой, заметив румянец на щёчках выскользнувшей из шатра посетительницы. Селянин, недавно вышедший от проповедника, отпущения грехов, видно, не дождался и теперь сетовал о чём-то на всю округу. Олард прислушался:

-Вот уж и впрямь: там были только проповедник да пастор, но кошелёк мой как в воду канул! Хорош монах! Знал я его когда-то: в тёмном переулке с ним лучше было не встречаться, и прозывался он тогда Фидо!

Оставив своё занятие, Олард отправился вслед за говорившим, и когда они отошли уже достаточно далеко, остановил его:

-Дружище, послушай, насчёт того странствующего монаха... Ты, случаем, не ошибся?

-Уж на что-что, а на память не жалуюсь! Это он – Фидо, и в те времена он был на посылках у Фирзы, а вот кем был последний – лучше Вам, сударь, никогда не знать! Хотя, нет, постойте... Дедри! Точно, звали его - Дедри, а Фидо – это тот старый лихоимец, от которого он всему и научился! Его, поди, уже и в живых-то нет...

-Даже не сомневайся. Я это о том, что годы, сам понимаешь – наверняка уже почил... Так продолжай: я не из пугливых – засну спокойно! Говори! – и он сунул в руку собеседника пару монет.

-Умеете Вы, сударь, уговаривать! Ну, тогда слушайте...

Вернувшись к шатру, Олард, оглядевшись по сторонам, отодвинул полог и со словами: «Пусть же приоткроется, наконец, завеса, скрывающая правду!» предстал пред взором проповедника. Познание истины – всегда путь болезненный, о чём и свидетельствовали раздавшиеся вскоре крики и стоны последнего. «Не тревожьте его, он беседует с Богом,» - предупредил Олард ожидающих своей очереди получить наставление, и вернулся к вверенным его заботам подводам. Слуги не отличались расторопностью, и Олард отправился за Чиной:

-Послушай, я должен проследить за погрузкой – сам видишь, у слуг этих через одного плутовские рожи, а я недавно играл с Кордом на его во всех отношениях заслуживающий внимания нож – работа умельца, богато отделанная рукоять и прочее. Нож он, конечно, проиграл, и расстроился так, как иные из-за бабы. Хочу вернуть, чтоб он с горя не побежал топиться.

Чина, выслушав эту затейливую речь, внимательно посмотрел на Оларда, но, не проронив ни слова, всё же отправился обрадовать Корда. Проводив Чину взглядом, Олард направился в «Горнило».

Подмастерья и слуги Рогарда бросились на него, решив, что в их силах его остановить, но он перебил всех этих смертельно заблуждавшихся.

-Эй, хозяин! Почему так плохо смотришь за псами? Все до единого подошли! Выходи, приберись тут!

Долго звать не пришлось. Рогард вышел безоружным, спросил, особо не скрывая насмешки:

-Смотрю, гость не в духе? Чему обязан? Хотя, нет, сначала прояви уважение: поприветствуй, как подобает, и назови своё имя!

-Запоминать его тебе уже ни к чему – не пригодится! Бери меч, и начнём!

-Что ж, отдохни, подумай хорошенько и приходи завтра: не хочу, чтобы про меня потом говорили, будто я на одно только и гожусь – вступать в бой с обессиленными! – он кивнул на тела полёгших от меча Оларда во дворе перед кузней.

-Плевать я хотел на твою дурную славу! Пусть тот, кто уцелел из твоей своры, принесёт тебе меч!

-Боги свидетели – я был терпелив и великодушен! Те, кто может узреть -узрите: их огненные лики я вижу сейчас над собой! Во славу богов я принесу сейчас в жертву жизнь того, кто близок нам, отмеченным ими, но всё же недостаточно совершенен!

Олард расхохотался:

- У меня здесь тоже не протолкнуться! Призраки тех, кто принял смерть в бою от моего меча: мало кто из этого сброда так уж сильно отличался от меня самого, поэтому сейчас все они взяли передышку в аду и ожидают исхода сражения, готовые оказать мне любезность

- сопроводить до места. Их теснят тени тех, кто, не дождавшись этих бедолаг домой, сошёл в слезах в могилу, проклиная меня. Наши зрители стоят друг друга!

-О, это будет встреча храброго с великим! Надеюсь, ты оценил мою учтивость, ведь истинной было бы сказать о тебе иначе! – гигант расхохотался.

-Не льсти себе, пёс! Я скажу тебе, что будет: падальщиков ждёт пир! Твоя требуха ничуть не лучше требухи любой другой твари, разве что отдает дымком: за столько лет в своем озере огненном ты славно прокоптился!

Они сошлись. Кто знает, какая Сила помогает в бою влюблённым, которых во все времена приравняли к безумцам, ибо и тем и другим неведомы здравомыслие и осторожность, и тем, кто ищет правосудия, на победу которых никто и гроша ломаного бы не поставил. Смертельный удар Оларда оборвал жизненную нить хозяина «Горнила ада», но и время его собственной жизни тоже было на исходе – она оставляла его вместе с кровью, истекающей из ран.

-Какое мерзкое время – ожидание конца. Осталось всего несколько шагов: я вижу его отсюда - порог...А оно всё тянется...Словно смерть с усмешкой вглядывается в мое лицо: ждёт, что я отпраздную труса...Уж лучше бы поскорей...Пообещай, Чина...Ты знаешь, о чём я...

- Я знаю, и сделаю так, как ты хочешь, но прошу, побудь хоть в свои последние мгновения свободным. Хотя бы сейчас освободись от неё...

- Мне кажется, что кроме неё у меня ничего и не было. Мне нечего больше вспомнить в час прощания, - умирающий задержал взгляд на лице Чины, и что-то появилось в его глазах. – Нет, ты...Ещё ты...

Душа его отлетела.

-Любовь и друг, не так уж и мало было в твоей жизни, - пробормотал Чина, закрывая ему глаза. Он стал готовить воина к погребению. Верный данному обещанию, Чина накрыл пластиной его грудь и какое-то время рассматривал плавные переплетения линий орнамента, покрывавшего металлическую поверхность. «Оларду они напоминали пряди волос его Розамунды. Одержимость смотрела его глазами,» - подумал он с горечью. Ему вдруг стало тяжело дышать, словно что-то сдавливало его собственную грудь.

-Нет. Ты слишком долго властвовала над его разумом и над его сердцем! – и он поместил пластину в ноги покойника, но сомнения не оставляли его.

-Нет. Его ноги и так ступали по дорогам, указанным тобою! Отныне на его пути не будет преград! – и просунул её под спину Оларда. – Вот теперь – хорошо. За его спиной тебе самое место: оставлена, наконец, позади на веки вечные! Жаль, что это решение принял за него я: решишь он на это сам, глядишь, жизнь сложилась бы по-другому. Покой на вас обоих, пусть это и звучит, как проклятие!

Поклонившись могиле Оларда восемь раз, Чина направился к пристани: не осталось ничего, что могло его здесь удержать. Когда опустилась ночь, мертвец, которому, похоже, пришлось не по вкусу могильный холод и мрак, решил вернуться в этот мир: комья земли летели во все стороны от его яростных усилий.

- Наконец-то! Теперь надо убираться отсюда! Покойся с миром, Олард! Теперь-то уж точно, будь уверен, потому как разжиться у тебя тут больше нечем! – и Пинч-Проныра поспешил прочь со своей добычей. Олард, наконец, стал свободным.

Примечания:

-одно из значений имени «Розамунда» - «Роза мира» (*Rosa Mund*);

- в сезон Ся Чжи (время летнего солнцестояния) цветёт гибискус – кустарник, который высоко ценился и повсеместно высаживался. Один из иероглифов в написании его названия означает «Пурпурный нефрит»; - китайская идиома «Дружба восьми поклонов» означает преданную дружбу, равносильную братским узам.

-Некоторым кажется, да что там – они уверены, что нашли свою нишу, но нам-то с вами, друзья мои, совершенно очевидно: не ниша это, нет, это – заплёванная, пропахшая кошками подворотня. Увы, ещё одно разочарование постигнет неуверенного в собственной состоятельности мальчонку, провозгласившего себя свободным, и сделавшим это, заметьте, во весь голос, хотя судьба его – лишь шептать!

«Вот ведь говнюк! Торжествует, упивается прямо... Пронюхал, таки, - Марк чувствовал досаду. Стараниями его оппонента всем скоро станет известно, что он – Марк Фримэн - на самом деле - Марк Шептунов, но голову пеплом по этому поводу посыпать ещё рано. «Противник его был уверен, что поставил на нём крест, но вскоре все смогли убедиться, что то не крест вовсе, а большой, ясно различимый «плюс»». Найдутся, конечно, желающие задать ему вопрос: почему? Что сподобило Вас, драгоценнейший наш, решиться на такую подмену? И у него должен быть готов ответ, такой, чтобы ни у одной живой души не зародилось подозрение, что он, Марк, выкручивается, изворачивается, лукавит. Тех, кто остановил на тебе свой пристальный взгляд, интересуется, как правило, что послужило для твоего возрастания благодатной почвой, или же, напротив – препятствием, но приведшем к такому же результату, развивался ты *благодаря* или же *вопреки чему-то*. Путь реки начинается с истока, а исток человеческой жизни – его семья. Что же можем поведать мы о семье?» Марк задумался. Родители его служили в городской администрации. Отец двигался по карьерной лестнице быстро, и со временем занял место начальника одного из отделов, не в последнюю очередь, как полагал Марк, благодаря своему владению навыками «учливой мешкотности». На шуточный вопрос сына, существуют ли для этого специальные формуляры, ответил, что негласное правило «Бумага должна вылежаться» вполне себя оправдывает: нередки случаи, когда вопросы, с которыми граждане настойчиво обращаются в администрацию, со временем решаются сами собой, а значит, происходит экономия ресурсов. Матушка честолюбия лишена была совершенно, и из отдела своего никуда не перемещалась. При воспоминании о ней первым, что приходило на ум всем, кто её встречал, было: «Очень милая женщина». Светловолосая и ясноглазая, неизменно со всеми приветливая и участливая, никогда не покидавшая, казалось, какой-то своей тихой гавани, она и жизнь семьи обустраивала подобным образом. Человек, много испытавший в жизни, воскликнул бы: «Какое счастье – иметь такое пристанище, жить без потрясений, оберегаемым от ветров. За это нужно благодарить!», но Марк, за неимением подобного опыта, считал, что «в их жизни ничего не происходило». Он, Маркуша, неизменно окружён был заботой, его внимания ожидали книги из внушительного размера библиотеки, периодически подвергался он и совместным с родителями посещениям театра и различных выставок, а по субботам участвовал в игре в лото, на которую приглашался приятель отца – старый холостяк по фамилии Громов, что не раз служило шуточным поводом вспомнить о единстве противоположностей, в соответствии с которым старый холостяк Громов не мог не притянуться к семьянину Шептунову. Как-то раз, посчитав, что его «опасный возраст» нуждается в особом противоядии, Мария Петровна (так звали матушку Марка) составила программу повышенной культурной концентрации: были взяты билеты на балет «Кармина Бурана», выступление оркестра Глена Миллера, заезжего исполнителя органной музыки и вечер городского романса. Интерес и терпение Марка от мероприятия к мероприятию неслись по убывающей, и, перед вечером романсов, он решил спугнуть эту её тишину, дерзко заявив:

-Пятьсот!

Она не поняла, и попросила его пояснить, зато понял отец:

-А ты, брат, предприимчив! Как насчёт хорошей затрешины?

На вечер романсов его тогда не взяли, посчитав, что при *таком* отношении он всё равно не сможет по достоинству оценить услышанное, что и должно было послужить ему наказанием.

Верхом присущего ей лукавства был «творожок»:

-Матушка твоя, чтобы избежать выбора сказать при необходимости твОрог или всё же творОг, говорит *творожок!* - с улыбкой заметил как-то отец.

Не единожды заставлял он её за чтением внушительной толщины сборника «Любовная лирика русских поэтов», и, подобно невесте откуда взявшейся тучке посреди ликующего солнечного дня, закрадывалась мысль: «Если человек принимает витамины, не означает ли это, что он недостаточно получает их с пищей?», правда, всегда был слишком занят собственными переживаниями, потому развивать её не стремился и почти сразу же забывал о своих предположениях.

На его памяти что-то, отдалённо напоминающее бушующие волны, произошло между родителями лишь однажды - в канун Нового года, когда к детям приходят Дед Мороз со Снегурочкой, а после происходит настоящее чудо: они снова превращаются в дядю Мишу и тётю Валю с папиной или маминой работы. Дедушка Мороз был высоким и худым: красная шуба висела на сказочном старике, как на вешалке. Да это было и понятно: дальняя дорога, пролегающая через ледяные торосы, да ещё и на санях, доверху гружёных подарками, и более молодым волшебным существам далась бы нелегко. Снегурочка перенесла дорогу легче: её костюм, взятый по договорённости в городском ТЮЗе, актрисы которого были субтильными, какими и полагается быть исполнительницам детских ролей, местами не выдерживал напора влитых в него форм.

Шептунов-старший, «в рамках мероприятий, проводимых с целью внесения посильного вклада в воспитание», выбрал для Марка историю крошки Дженни, странную, но зато короткую — «чтобы не затягивать и без того волнительный процесс».

-Дженни туфлю потеряла. Долго плакала, искала. Мельник туфельку нашёл и на мельнице смолол, - Марк разглядывал иллюстрацию внизу страницы, на которой златокудрая маленькая Дженни стояла в одном полосатом чулочке, а пузатый, свирепого вида мельник держал в руках её красную туфельку, всем своим видом давая понять, что останавливаться на этом не собирается. У маленького Марка по поводу развития этой истории были дурные предчувствия, поэтому, когда настал момент прочитать выученный стих в обмен на подарок, голос его дрожал, и, по словам отца, напоминал робкое блеяние. Что выступил он хуже некуда, Марк понял, едва взглянув на мать: та стояла с каменным лицом, скрестив руки на груди. Снегурочка не сводила глаз с Дедушки Мороза, щёки её пылали, вопреки бытующим представлениям о холодности и бледности, присущим её природе. Будь Марк старше, он нашёл бы этому простое объяснение: семейство Шептуновых стояло последним в списке поздравляемых, а в каждом доме гостеприимные хозяева встречали Дедушку с внучкой бутылочкой игристого.

-Бедный ягнёночек весь дрожит! Ну-ну, всё позади: мы уже уходим. Нам с Дедушкой пора отдохнуть, - с этими словами она поднялась и, прижавшись к родственнику, впиалась красными губами в не защищённое волосным покровом пространство - где-то между дедовыми усами и бородой. Когда за ними закрылась дверь, отец дотронулся до плеча Марка:

-Ну что, сынок, понравились тебе Дед Мороз и Снегурочка?

Он всё медлил с ответом, потом поинтересовался:

-А в *них* могут образовываться дыры? Я видел снегуринное тело. Снегурячье. Дед Мороз, мне кажется, настоящий, а Снегурочка – нет, не настоящая.

Услышав этот вердикт, отец смущённо хмыкнул, а мать нервно рассмеялась и почти бегом направилась в спальню. Шептунов-старший, чуть помедлив, устремился вслед за супругой. Из-за закрытой двери до Марка доносились обрывки фраз:

-Немыслимо! Какое бесстыдство! Вульгарная потас...

-Т-с-с. Тише, прошу тебя...Ребёнок может услышать.

-Как я теперь Лене в глаза посмотрю? Притащить эту... сюда! А ты, нет, ты каков? Ты знал?

-Да откуда? А Лена... Лена приняла мудрое решение – ждать: связь эта - обречена, она не имеет будущего – это ведь очевидно, и потом у Коли с Леной - сынишка...

-Так, по-твоему, ждать – это мудрое решение? Да растерзать твоего Колю! Не трогай меня!

Потом она так стремительно вышла из комнаты, что Марк не успел отскочить, но мама была слишком взволнованна, чтобы это заметить и попенять ему за неумеренное любопытство.

-Идём! – она схватила его за руку. - Ну, какую из книг мы начнём читать первой?

«Азбуку», по мнению Марка, Деду Морозу приносить было вовсе не обязательно, потому как Сашка Нарышкин, бывший во дворе непререкаемым авторитетом, заявил детворе:

-Что над этими буквами сидеть? Куда торопиться-то? Пойдём в школу – там и научат, никуда не денутся!

Марк хорошо помнил его слова, поэтому выбрал книгу с воинами-викингами на обложке, но мама, выхватив книгу у него из рук, отложила её в сторону:

-Нужно учиться, запомни это! Прежде всего учиться: упорно и старательно! Нужно всегда устремляться выше и выше...а то в жена у тебя будет похожа на Снегурочку, что сегодня к нам заявилась!

Марк хотел было поинтересоваться, зачем тогда было спрашивать, какую из книг ему хотелось бы прочитать прямо сейчас, но вспомнил недавнюю их гостью. Угроза возымела действие, а заодно и прояснила, некоторым образом, смысл не раз слышанного во дворе: «Я – дурочка-Снегурочка, мой папа – Дед Мороз».

Будучи учеником старших классов, Марк подслушал разговор отца с Громовым, происходивший на даче последнего. Был конец июля. Пока Мария Петровна собирала малину, они втроём отправились на реку, а вечером хозяин затопил баню. Отец с Громовым были опытными парилщиками: раз за разом вода плескалась на каменку. Марку до них было далеко: когда всё стало больше напоминать пытку, чем оздоровительную процедуру, он улизнул. Матушка, поджидая их, уже накрыла на стол. Ноздри щекотал запах приготовленных ею блюд, и у Марка от этого разыгрался аппетит, но садиться за стол без хозяина было бы невежливым. Мария Петровна на его сетования, что он так совершенно изойдёт слюной, посоветовала банщиков поторопить. Окно в предбаннике было распахнуто: отец с Громовым, выйдя из парилки, пили квас, неторопливо беседуя. Когда Марк остановился возле окна, они только перестали над чем-то смеяться, и, видимо, в продолжение темы хозяин начал свой рассказ:

-Была у меня одна...встреча. Хотя можно начать и так: случилась со мной одна история. В общем, отправили меня в командировку, в Н. Удивительный город, скажу я тебе... То, что в нём меня будут поджидать разного рода неожиданности, я должен был понять сразу, едва только увидев вывеску над входом в небольшую гостиницу, куда должен был заселиться. Как сейчас помню: на цвета весенней зелёной дымки фоне изображён был лукаво улыбающийся Сальвадор Дали, с усами, нетипично закрученными в легкомысленные колечки, что, возможно, больше отвечало местным вкусам, далее же шло название этого приюта странников: «Хинган». За стойкой администратора сидел негр, молча прижимавший к уху телефонную трубку, и мне пришлось терпеливо ожидать, когда же он закончит внимать кому-то на том конце провода. Наконец, пожав плечами, администратор сообщил собеседнику: «Нам, татарам, всё равно: наступать – бежать, отступать – бежать!», после чего положил трубку. Нужно ли говорить, что всё это время мозг мой трудился, пытаюсь определить связь между Дали и Хинганом, да и прочие сочетания были весьма удивительными. Администратор поспешил извиниться: заселение, говорит, невозможно, потому как гостиницу постигли всевозможные несчастья – сначала проводка перегорела, а потом ещё и канализацию прорвало. «Но Вы, говорит, не беспокойтесь, здесь – буквально в двух шагах – мой родственник сдаёт комнату: всё очень чисто и прилично. Не пожалеете.» И, знаешь, я действительно не пожалел.

Хозяин предупредил, что кроме меня есть ещё жилища, добавив, что она женщина молодая, приятная, и мне никоим образом не помешает. За весь день мы с ней ни разу так и не пересеклись. Настал вечер. Я вышел в общую комнату и устроился на диване, намереваясь посмотреть новости, а если повезёт, то и спортивные состязания. Пришёл хозяин, чтобы узнать, не нужно ли чего, и я ответил, что всем доволен. Мы ещё немного поговорили о том о сём, и он собрался уже уходить, как из комнаты Анжелы (так звали вторую жилищу) донеслось:

-Любезный пастушок...забросил свой лужок..., - что-то со стуком опустили на стол. - Мой лужок...!

Последовал шумный выдох:

-Уф, гадость ...

На какое-то время всё стихло. Затем дверь комнаты распахнулась: на пороге стояла Анжела.

- Всё! Фирштейн?

С репликами на этом было покончено, настал черёд действий: она принялась снимать и с гадливым выражением на лице отшвыривать от себя всё, что на ней было – возможно, вещи эти были олицетворением «старой жизни» (правда, я тогда подумал, что змеи тоже сбрасывают кожу, но, как человек новый, утверждать не решился бы). Хозяин сохранял удивительное спокойствие, и я решил последовать его примеру. Когда, наконец, оставшиеся на ней предметы туалета почти закончились, бунтарка скрылась в глубине комнаты, но почти сразу вернулась - с охапкой вещей в руках. Она выбирала из неё то одно, то другое, завораживающе медленно натягивала, а потом так же медленно снимала, застёгивала, чтобы после расстегнуть, при этом оглаживала себя, расправляя невидимые складки и морщинки на ткани. Наконец, выбор её пал на шёлковую блузу и длинную чёрную юбку. Мы наблюдали, как она обрисовывает чулками стройные ноги, одну за другой. Пришёл черёд блузы с невероятным, как мне показалось тогда, количеством пуговиц. Вытащила из волос шпильки и помотала головой из стороны в сторону (я заметил, что волосы у неё красивые – смоляные пряди волнами спускаясь по плечам). Юбка же всё ещё сиротливо лежала у ног хозяйки. Когда и она, совершенно обтягивающая, заняла свое место, Анжела направилась к дивану, где мы с хозяином занимали зрительские места, и втиснулась между нами. Я чуть подвинулся, освобождая ей место, и сидел, не шевелясь, но ничего больше не происходило, тогда я решил посмотреть: Анжела спала, откинувшись на спинку дивана.

-Умаялась, - пояснил хозяин. – Теперь до утра проспите. Вы уж извините, если что...

Я плохо засыпаю в незнакомых местах, а тут ещё и события вечера сыграли свою роль, поэтому той ночью вовсе лежал без сна. В четвертом часу за окном стали различимы силуэты деревьев, вполне может быть, что именно это хозяин квартиры и называл утром. Дверь вдруг медленно отворилась, и в комнату проскользнула Анжела. Нырнула ко мне под одеяло, прижалась, задышала в ухо:

- Ну, что ты, мой хороший...Оробел совсем...Подожди...

Рука её двигалась уверенно, и вскоре нашла то, что искала. Разум мой, признаться, отступил перед инстинктами...

«Ну, что сказать - запасся человек отрадными воспоминаниями для улады сердца на склоне лет, - переваривал услышанное Марк. – Громов всю свою жизнь двигался по инерции, что ли. Неудивительно, что судьбе волей-неволей пришлось взять всё в свои руки, точнее, отдать... в руку Анжеле...Родителя впечатлил этот нелепый эпизод уровня провинциального городишки - он даже не осознаёт, как все это жалко и неинтересно выглядит. Анжела эта... Бриджит Бардо она, что ли? Всё же, что есть жизнь человеческая? Привычный маршрут автобуса – для каждого свой...» Его тогда охватило смятение, почти отчаяние, на смену которому пришла потом злая решимость: с ним такого не произойдёт. Он, Марк, станет independence,

это будет прослеживаться во всём! И женщина, которую будут видеть рядом с ним, тоже явится тому подтверждением.

На фоне привычных имён её имя звучало дивной музыкой. Белокурая одноклассница Марка Алина – прехорошенькая дочь владелицы крупной фирмы -пользовалась особыми привилегиями: она никогда не выходила отвечать к доске, а писала ответы на листке, который оставляла потом на столе учителя. В преддверии празднования дня Армии и Флота, Алине выпал жребий поздравлять Марка. Шествуя мимо него к своему месту, она молча опустила на стол однажды уже подписанную кем-то кому-то открытку. На приклеенном поверх старого текста бумажном прямоугольнике крупным ровным почерком было выведено: «Тебе - от меня.» По прошествии времени Марк не единожды размышлял: так ли безоговорочно он признал бы за ней право повелевать и властвовать, будь она дурнушкой? «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!» Как бы там ни было, но с тех пор в поисках «особенной женщины» Марк смотрел в сторону таких, как Алина. С нынешней его избранницей Марка познакомил приятель, заметив, что тот ею весьма впечатлился:

-Вижу, ты готов пуститься в рискованное путешествие! Что ж, благословения не жди, но друг другу вас представляю. С Анжеликой мы какое-то время вместе учились, пока она не отравилась...грибами и не ушла из-за этого в академический отпуск. Одним словом, «Бедная Лика»... Тогда Марк отнёс это «бедная Лика» к ироничному сочувствию по поводу знакомства *такой* девушки с таким, как он – Марк. «Бедная Лика» была владелицей двух пусть и небольших, но зато расположенных в центре города, магазинов одежды, один из которых она назвала «easy for beasy», а второй - «easy for busy». Во время посещений как одного, так и второго Марку не встретился в них ни один покупатель, из чего он сделал вывод, что получение прибыли не было для владелицы столь уж важным. Его первый визит в один из этих магазинов можно было без преувеличения назвать незабываемым. Переступив порог, он остановился в нерешительности: в царящем здесь полумраке с трудом можно было что-либо различить, и Марк усмотрел в этом проявление некоего лукавства - кривые швы или другие изъяны, которые слабое освещение призвано было скрыть. Хотя существование одного положительного момента, а именно увеличение занятости населения, он всё же допустил: плохая освещённость требовала найма дополнительного персонала, который в любом случае должен был ориентироваться здесь лучше покупателей и мог их сопровождать. Он решил поинтересоваться у Лики, а она снисходительно улыбнулась: «Глупыш...». Потом, схватив его за руку, увлекла туда, где между стойками с одеждой имелся промежуток и толкнула к стене. Просунув свою острую коленку ему между ног, запустила пальцы в его шевелюру и властно потянула за ухваченные пряди, отчего голова Марка запрокинулась назад. «Ну, а теперь? Теперь понимаешь?» - Лика шумно дышала ему в шею. Страстная окраска момента была непоправимо испорчена выступающей из стены частью декора - как раз на уровне его затылка. В голове промелькнуло растерянное: «Мне показалось, или мы поменялись ролями?», и затем совсем уже малодушное: «Нужно бы подстричься...»

Некая смехотворная (с его точки зрения) «годовщина» их знакомства совпадала с днём рождения Лики, и, по старой доброй традиции «кто празднику рад, тот накануне пьян», задел празднованию предполагалось положить в ночном заведении «Щербатый боцман», а после, сбавив обороты, продолжить уже в лоне семьи. Марку подумалось, что заведение это уместнее было бы назвать «Чревом кита»: в мигающем свете из темноты возникали отдельные фигуры и тут же снова ею поглощались, а экстравагантность многих из присутствующих вызывала ощущение нездоровья, хотя кругом и царило веселье. Лику то и дело кто-то приветствовал, обнимал, несколько раз её отводили в сторону – «пошептаться», и в конце концов Марк потерял её из вида, а посему отправился на поиски, но все только улыбались и пожимали плечами в ответ на его расспросы. Он подумал, что все эти подлецы смотрят на него так, как если бы нос его был испачкан чернилами, но не знал об этом только он один. Наконец, Марк увидел, и это

был как раз тот случай, когда увиденное *невыносимо* больше того, что ты когда-нибудь хотел бы увидеть. «Может, у него соринка в глаз попала, и Лика, добрая душа, решила помочь?» - предположил Марк, наблюдая за двумя физическими телами, на которых, кроме гравитации, действовала ещё какая-то неведомая сила, удерживающая их друг возле друга. Проходившая мимо брюнетка что-то сказала Лике, и та, оглянувшись и обнаружив, наконец, присутствие Марка, двинулась ему навстречу.

-Я тебя искал.

-Да? Странно... Я, вроде, не пряталась. Просто, встретила старого знакомого: мы когда-то вместе учились.

-До того, как ты отравилась грибами?

-Не помню... Говорю же: мы давно не виделись. В его жизни произошло много разного.

-Видимо, прямо, как у Иова, раз ты так прониклась?

-Тебя иногда совершенно невозможно понять! Сейчас он очень нуждается в участии... Его девушка оказалась беременной ребёнком...

-«Беременной ребёнком»? Были возможны и другие варианты? – Марк был раздражён и не собирался никого щадить.

-Ну почему тебе нужно всё разжёвывать? Она оказалась, но не благодаря ему, а... Понимаешь? Ему сейчас нужна поддержка...

-По-моему, на его поддержку у тебя ушли последние силы. Нам пора!

Они стали пробираться к выходу, и возле гардероба им встретился один из многочисленных знакомых Лики. Прощаясь, он кивнул Марку:

-Увидимся!

Марк представил тогда, как отвечает этому жлобу, что единственная причина, по которой он хотел бы снова здесь оказаться, это желание посмотреть, как прибывший ОМОН укладывает всех мордами в пол, и поймал себя на том, что улыбается в первый раз за весь вечер. Ночью ему снилась Лика, одиноко стоящая у окна незнакомой комнаты, и Марку захотелось утешить её в этом одиночестве. Когда же он к ней приблизился, она повернулась и нервно сказала:

-Ну, сделай же это... Причины мне боль! Отчего ты так похож на меню в пансионате: «Каша-суп-биточки с гарниром-компот, по выходным – ватрушка...»

После пробуждения он ещё какое-то время размышлял, откуда в его сознании могла возникнуть информация о меню в пансионатах, если ни разу в жизни он ни в одном из них не был... Охватив внутренним взором всю восстановленную в памяти картину своей жизни, Марк пришёл к заключению, что нужно уверить всех, а заодно и самому не забыть увериться, что в творческий псевдоним он вкладывал значение «Три в одном». Оставалось только определиться, какие именно три основополагающие качества в одном человеке, то бишь в себе, он имел в виду. Пока же костёр его разгорался, и к нему устремлялись желающие подбросить в него своих дровишек. Только Марк решил, что после утреннего эфира никто и ничто не сможет испортить ему настроение ещё больше, как его поспешил в этом разуверить Пётр, у которого стало входить в привычку бросаться на встречных с боевым кличем. Не так давно Марк услышал от него обидное о себе мнение, которым вовсе не интересовался, да и разговор этого не предполагал, потому что был так - ни о чём:

-Мы с тобой разные, и, услышав фразу: «Крутите барабан!», представляем себе тоже разное!

«Куда нам, паяцам, до вас, поручик!» - едва удержался, чтоб не ответить Марк.

Вот и сейчас у Петра случилось очередное «самовозгорание»:

-Учитывая такую заявку на исключительность, это сборище должно и именоваться соответственно: «Жемчужины дактилоскописта», к примеру, ведь отпечатки пальцев тоже уникальны для каждого человека. Отпечатки сальных пальцев. Отпечатки пальцев рук, замаран-

ных чьей-то кровью. Отпечатки пальцев, державших перо, выводившее пасквиль... Да мало ли какие ещё существуют отпечатки пальцев!

На этот раз Марк в долгу не остался:

- Похоже, что оркестром не исполняется, для тебя всё одно и то же! Не мешало бы разобраться в причине такой невосприимчивости!

Предстояла масштабная выставка, и Марк, отвечавший за представление музея в публичном информационном пространстве, отправился обговорить детали к автору её идеи. Далекий от спокойствия из-за недавнего разговора, он открыл дверь Отдела истории отечественной культуры, и увиденное, по произведённому впечатлению, вполне уместно было описать, как «взору его предстала...» В потоке солнечного света стояла высокая светловолосая женщина, явно сотворённая для мира, которому во всём свойственна грандиозность. У Марка вдруг пошла носом кровь.

- Что со мной? Я умираю? – растерянно осведомился он. - Сейчас это совершенно нестати...

- Большие планы на жизнь?

- Скорее, на сорочку.

- Снимайте. Да снимайте же! Ну? Во избежание повторений добавьте в рацион гречку или другие продукты, содержащие железо.

Она достала из шкафа белый халат - один из тех, что используют, при надобности, реставраторы, и протянула ему:

- Держите, а кровь нужно замыть холодной водой.

«Пожалуй, следует поддержать беседу, - подумал Марк, закончив застёгивать пуговицы халата.

- Прекрасный вид, - кивнул он на фотографию, выбранную фоном для настенного календаря. - Так и веет спокойствием, неизбежностью... Смотрите время от времени, чтобы прийти в равновесие?

- Это календарь. Ну, знаете, разные там месяцы, дни недели, числа... Хотя каждый, конечно, видит своё. Точнее, у каждого – свои причины видеть то или иное. У Вас, к примеру, страх. Вы боитесь жизни.

- И что же заставило Вас прийти к такому выводу?

- Всё просто: в природе нет статичности, и спокойствия в ней быть не может - одно лишь стремление выжить, продолжить род, завоевать новые пространства. Представьте себя в любой точке этого ожившего вдруг вида: каждое мгновение что-то умирает и рождается, происходят биохимические процессы в организмах, населяющих лес и озеро – это если особо не вдаваться. А Вы хотите видеть во всём этом спокойствие, отдохновение от трудов. Вас пугает жизнь, её движение, её беспощадность, если хотите. Вы не находите причин искать во всём происходящем смысл, ведь и до нас многие горели, и даже успели кое-что сжечь по пути, но утомились, так и не достигнув:

В мир приходя,

Не слушаемся уже ослушавшихся:

То, что в степень ими возведено,

Сами возводим в степень.

С решимостью мир изменить,

Встречают рассвет новый дети

Заметив, что с миром они близнецы,

Усталость однажды встретят,

И снова уснут на обочине старой дороги,

Исхоженной множеством ног...

Марк был приятно удивлён: она процитировала его стихотворение, пусть и посчитав за признание в «слабости».

-Вас заинтересовало то, что я делаю? - ему, отчего-то, был важен ответ.

-Это вышло... чуть не сказала «неумышленно». Это вышло случайно.

Он еле удержался, чтоб не заметить в ответ: «Не «случайно вышло», а «случайно повезло».

-Вы находите, что я не прав? Мы выезжаем на рассвете, не съев даже приготовленный матушкой завтрак, прищипориваем коня, потрясая копьём: «Вперёд!» Вперёд, чтобы убедиться, что там - тупик!

-Мы с Вами – словно переключка двух голосов, - Галя улыбалась. – Вы - точно голос, прорвавшийся со страниц Ветхого завета: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться.» Вы не можете с этим смириться, а хотите выпрыгнуть из этих вод, чтобы все заметили, как в капельках воды на вашей мокрой спинке заиграет солнце...

-А Вы – совсем из другой книги... Вас вполне устраивает быть *неразличимой*?

-«Капля воды, растворённая в вине, становится вином.» Проблема в том, что все хотят оставаться каплей воды, и убеждаться, что это всё ещё так, снова и снова. Редко какой человек, проходя мимо зеркала, в него не посмотрится. Мы ищем своё отражение во всём, словно хотим убедиться, что действительно существуем. Точнее, что существует наша индивидуальность. Для этого одни рисуют картины, другие – пишут книги и так далее. Мы разъединены, мы отделены и не хотим быть ангелами.

-Ангелами? В смысле... после? - и он показал головой куда-то вверх.

-В смысле «служить». По задумке – мы должны служить другим, но так как нам на других плевать, мы ходим на работу, где принуждены служить за деньги. Мы ищем во всём отражение своего лица, а сказано: «Ищите Лица Моего.» Вы, Марк, напоминаете человека, который, проходя по оживлённой улице, смотрит на себя в стекло каждой витрины. Мимо Вас в это время Бог пройдёт, а Вы и не заметите.

-Я предвижу, к чему Вы в конце концов придёте в своих рассуждениях: каждый должен прийти к полной отдаче и растворению. После смерти плоть наша должна принести пользу: разложившись, она удобрит почву, из которой потом вырастут травы, а те, в свою очередь, съест... ну, предположим, корова, с чьим молоком и мясом сами- знаете- что, в конце-то концов, произойдёт. Что веселитесь? Я вас насмешил?

Ответа он получить не успел: открылась дверь, впуслав Лину. Затянутая в кожу, она производила впечатление инородного тела в тишине музея.

-Вот я тебя и нашла! Ты не отвечаешь на звонки, мне даже пришлось напрячь память, чтобы восстановить картину вчерашнего party, а делать это было очень болезненно... В нём ты похож на медбрата...,- она потянула за пуговицу халата, посмотрев на него *особым взглядом*. Такое сравнение его огорчило: «Почему? Почему на медбрата, а не терапевта, к примеру? Это что, означает, что я способен плавать лишь на мелководье?»

-Я был занят, - сухо ответил он, вызволяя пуговицу из её пальцев. – В рабочее время принято работать.

-Да ты дуешься! Ну, точно, дуешься, теперь я вижу! И на что же? Всё было, как обычно, не припомню ничего из ряда вон выходящего!

-Дуться, как ты выразилась, мне действительно не на что. Что мне могло не понравиться, я всего лишь «увидел Аврелию, посаждённую этими щеголями, у которых любовный пламень пробивался сквозь их восторженно приподнявшиеся коки...»

-Избавь меня от своего генитального юмора! Хотя у вас здесь, я вижу, подобное принимают, - добавила она, глядя на улыбающуюся Галю. - Кстати, что за Аврелия? Не припомню такую.

-Я бы отнесла это не к генитальному, а, скорее, к цирюльничьему, - сказала Галя, ни на кого не глядя.

Пора было разводить бойцов по разным углам ринга:

-Идём, я тебя провожу, - взяв гостью под локоток, Марк увлёк её за собой.

Вернувшись, он заметил примирительно:

-Что-то происходит со всеми, вы заметили? Может, действительно виной всему та самая обличовка щита? Как вы к этому относитесь? Верите в подобное?

-Я предпочитаю не перекладывать ответственность за происходящее со своих на чужие плечи, тем более если это плечи мифических персонажей.

-Значит, вы никогда и ни в ком не нуждаетесь?

-Вы сейчас о том, что у меня в избытке ... собственных сил? Я вас смутила? А вы, разве, не разделяете мнение, что я напоминаю монумент?

-Не имею привычки обсуждать женщин...

-Вы покраснели. Когда были ребёнком, играли во дворе в «цепи кованные»? Когда разобщённость и эгоизм возрастают, тогда от душ начинает исходить призыв: «Цепи, цепи кованные, раскуйте нас!», и те, кто имеют уши слышать, отзываются: «Кем из нас?»

-Так Вы видите в этом свою миссию?

-Я не верю людям, которые говорят о какой-то там «своей миссии», сами себе её и назначив. От самозванцев добра не жди. Я осознаю, что не смогу сделать этот мир лучше, но вот не сделать его хуже – в моих силах. Я решила, что буду нести персональную ответственность за свои мысли, слова и поступки, а не переходить из одного дня в другой бездумно. Уверена, что найдутся те, кто решит поступить так же. Думаю, они были до меня, есть сейчас и будут после. Таким образом, предельная концентрация зла не будет достигнута, и, возможно, именно для этого я и приходила. Буду ли я этим удовлетворена? Да. Верните халат. Ваша рубашка высохла.

В дом Лики Марк приглашён был впервые. «Обстановка будет камерной: бабушка и несколько её приятельниц – старых перечниц, две семейные пары с тлеющими желаниями, да ещё мать с Вадиком,» - описала она круг гостей. «Вадик – твой отчим?» - решил уточнить Марк. Она дала исчерпывающий ответ: «Он? Нет. Он – Вадик.»

Флагманом семейства была Клавдия Борисовна – бабушка Лики. До недавнего времени она возглавляла крупный банк, название которого было у всех на слуху, теперь же, уйдя на покой и накопив значительные профессиональный и жизненный опыт, да и ещё кой-чего изрядно поднакопив, властвовала в семье, будучи виновницей неизбывного материального благополучия своих никчемных, по её словам, потомков. Отдавая последние распоряжения, она указала небрежным движением: «Всё, что не в наших традициях - туда! Когда ещё наказано было патриархом Иоакимом: у иноземцев «которые подобно скотам едят траву, именуя её салатом», привычек не перенимать», и все блюда, приготовленные «на иноземный манер», были отправлены на дальнюю часть стола. Наконец, гости расселись по своим местам, и Клавдия Борисовна, взглянув на дочь, едва заметно кивнула: сигнал, что можно приступать, был, наконец, получен. Присоединяясь к пожеланиям супруги, Вадик прочитал милое стихотворение. Некоторые гости тут же стали подозревать его в авторстве, но Клавдия Борисовна не упустила возможности стать той самой «ложкой дёгтя»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.